

фестиваль Гайеба-2003-12 мая с.157

Шекспир победил Буша

АРТУР СОЛОМОНОВ

В Берлин на театральный фестиваль Theatertreffen приехал спектакль из Цюриха. Поставил «Ричарда третьего» Стефан Пухер, молодой режиссер. Сначала он делал только перформансы. Не любил театр, зависящий от текста. Потом вдруг так полюбил, что из шекспировской пьесы, как из песни, решил не выкидывать ни слова.

Спектакль начинается с фильма. Кадры проецируются на металлическую стену, которая огибает сцену полукругом. Кино: девочка лет шести сидит с цветами в зрительном зале. Слышны аплодисменты, спектакль окончен. Она пробирается к актеру, играющему Ричарда, дарит ему цветы. Пауза. А потом кино и театр сливаются: на сцену выходит Ричард и внимательно, с любовью, смотрит на свой кинообраз. Гладит экран. Чуть позже он разломит эту стену. Захочет прорваться туда, где власть.

Однако Ричард — не отверженный горбун, стремящийся к власти, а ироничный интеллектual в очках, которому эта власть нужна скорее для игры. Пьеса, перенасыщенная убийствами и предательствами, яростными монологами, в постановке Стефана Пухера стала, если так можно выразиться, поделikatней — словно в старом средневековом замке сделали великолепный евро-ремонт. Но от этого пьеса не потеряла внутренней силы. Однако впечатляет не режиссерская концепция — в конце концов, трагедия может быть миллион, одна другой глубже, а в театре главное совсем другое. В памяти остается смелость режиссера и сценографа (Барбара Энес) в работе с пространством.

Сцена, постоянно углубляющаяся, разделена на несколько планов в высоту. Внизу — три кабинки, там лежат короли и герцоги. Интригуют, не вставая с постели. Иногда лежа наливают друг другу вино. Обсуждают, кого казнить, кого миловать.

Выше — пустое пространство. Поскольку оно пустое, то перед нами то тюрьма, то зал для пресс-конференций, то дворцовые закоулки, где происходят заговоры и сговоры. На третьем ярусе — пять колбочек, в них дамы готовятся к выходу в свет. Поправляя прически, говорят о предстоящей войне. Действие «прыгает» снизу вверх, уходит вглубь, захлестывается в зал. Иногда все это происходит одновременно: насыщенности мгновений в шекспировском тексте, его загадочной противоречивости создано адекватное пространство, где действие раскручивается «во все стороны».

Спектакль — путь Ричарда (Роберт Хунгер-Бюлер) в глубину сцены. Работает сложная система занавесов — металлических, бархатных, сделанных будто из копий. Когда энергия на сцене подспудно накапливается, пространства Ричарду нужно все больше, он прорывает еще одну преграду. Когда он прервет последнюю «плотину», его убьют. Но этого не покажут: в спектакле Пухера все убийства совершаются за сценой. Тот редкий случай, когда злободневность и художественность не вредят друг другу, а идут как бы параллельно. С одной стороны — все войны сейчас таковы: сидят какие-то люди, одетые прилично, говорящие что-то очень пристойное, с жестами мягкими и вкрадчивыми. Принимают решение — и где-то кого-то бомбят, кто-то лишается дома, но мы видим только пролог. Так Ричард приказывает убить двух принцев. Убийца открывает дверь в глубине сцены, зовет двух детей туда, они входят в черноту, дверь захлопывается. Все убийства совершаются тихо, вежливо, элегантно.

Но есть и просто дурацкие сцены. Как же без них, хотя в хорошем спектакле это тем более обидно. Режиссер хочет быть современнее самой современности и заставляет Ричарда произносить антисадамовские речи Джорджа Буша. Бекингом чем-то настойчиво напоминает Блэра. А Ричард вдруг целует взасос одного из слуг. Мотивы гомоэротические, мотивы политические. Болезнь.

Но спектакль лишь пару раз вырывается на эту заезженную дорожку. Шекспир побеждает Джорджа Буша. Постановка Стефана Пухера — не о какой-то конкретной ситуации в Ираке или Швейцарии, а об абсурде власти. Как для самих властителей, так и для тех, над кем они властвуют.

Заседание. В бундесрате или в каком другом правительственном органе. От взаимной вежливости заседателей, их равнодушной учтивости, их костюмов, выдающих людей успешных и обеспеченных, становится страшновато. Этот мир словно отполирован, покрыт блестящим лаком. Не случайно на протяжении почти четырех часов персонажи почти не встречаются друг с другом глазами. Не случайно подобрана музыка, эмоционально никак не окрашенная. Звучащее молчание.

Ричард — хороший гипнотизер из семейства кошачьих. Его пластика, его вкрадчивость — из этого ряда. Никаких шекспировских страстей, и уж тем более попыток «порвать их в клочки». В шляпе, в черном костюме он похож то на свободного художника, которому наскучило заниматься своим делом, то на волшебника, потерявшего мастерство. Сравнений можно придумать немало, суть в том, что этот образ — неопределим, и актер отлично играет эту неопределенность, серединность. В финале к этому существу придут все, кого он убил, облаченные в рыцарские костюмы. И он почувствует, что вот-вот и его убьют, и потребует коня. Полцарства — за коня. А ты невольно думаешь: неужели эта тварь не может стать — ну не конем, то хоть мышью. И ускользнуть в какую-нибудь нору.